

Историописание и историческая мысль Западной Европы Позднего Средневековья

XV – XVI вв. являются важным этапом историографической революции переходной эпохи от Средневековья к Новому времени, основная характеристика которого состоит в коренных изменениях отношения общества к истории. В это время происходит трансформация в восприятие прошлого в контексте постановки методологической проблемы – как следует писать и читать историю? Вопросы – кто повествует о прошлом, как они это делают, почему обращаются к истории, наконец, что такое история выдвигались на первый план и получали самые различные ответы.

Процессы становления, развития историописания в этот период носили сложный, противоречивый и крайне неравномерный характер. Эта особенность историописания XV – XVI вв. закономерно ставит перед нами проблему выделения его этапов. Определение путей и способов ее рассмотрения позволит нам понять ту общую картину, представить то целостное полотно, которое создавалось авторами произведений об истории этого периода. Под периодизацией мы понимаем особого рода систематизацию процесса развития историописания изучаемого нами периода, которая заключается в его условном делении на определённые хронологические периоды. Эти периоды имеют те или иные отличительные особенности, которые определяются избранным нами основанием (критерием) периодизации.

В историографии периодизация может иметь нескольких уровней. Во-первых, это периодизация научного творчества отдельного ученого; во-вторых, научного направления; в-третьих, периодизация исторической мысли в целом или значительного отрезка времени. Последняя и станет предметом нашего внимания.

Предлагаемая нами периодизация носит общий характер, и не претендует на исчерпывающую хронологическую систему. Отметим, что любая периодизация имеет дело с исключительно сложными явлениями процессного, развивающегося и времен-

ного типа, и значит неизбежно огрубляет и упрощает историческую реальность. Поэтому любая периодизация страдает односторонностью и большими или меньшими расхождениями с реальностью. Тем не менее, подчеркнем, что мы оцениваем периодизацию историописания как эффективный метод анализа и упорядочения материала. Периодизация является для нас обязательным методом исследовательской работы. Через периодизацию, по нашему мнению, можно более глубоко показать соотношение развития историописания в целом и отдельных его аспектов. Она обладает большим эвристическим потенциалом, может придать стройность излагаемым нами положениям, способствовать их структурированию, и – главное – определяет шкалу их оценки.

Основания (критерии) периодизации, которые мы используем, определяют количество и характеристики выделяемых периодов. Мы их сводим к следующим позициям: формирование и трансформация представлений о содержании и предмете истории; характер обновления теоретико-познавательного инструментария, изменение стилистики сознания и языка историка. В развитии историописания переходной эпохи, на наш взгляд, можно выделить следующие этапы:

1. *Гуманистическое историописание*, ориентированное на накопление источникового знания и на создание историкотекста, заложившее фундамент «прагматического» историописания XVI века.

2. *Прагматическое историописание Магистратской Реформации*¹, сформировавшее историю-знание, ориентиро-

---

¹ Мы используем этот термин, чтобы обратить внимание на то, что реформаторы основного течения (лютеране и реформаты) были связаны со светскими властями, такими, как князья, судебные органы, магистраты и городские советы. Они утверждали, что Церковь является, по крайней мере, в некоторой степени, подотчетной светскому правительству. Магистрат имел власть в Церкви, точно так же, как Церковь могла рассчитывать на власть магистрата в укреплении дисциплины, подавлении ереси и поддержании порядка. Термин «Магистратская Реформация» призван привлечь внимание к близкой связи между магистратами и Церковью, которая лежала в основе реформационных программ.

ванную на практическое применение в современной политической ситуации. Постановка проблемы метода научного исследования, ставшей средоточием интеллектуальных усилий, предметом самых важных научных дискуссий, итогом которых в следующем, XVII столетии станет «Рассуждение о методе» Декарта.

3. *Историописание периода научной революции.* Картезианское разрушение истории-знания. Аисторизм начального этапа научной революции XVII в. Дифференциация знаний о прошлом: антикваризм как начало формирования специализаций исторической дисциплины.

Каждый из выделенных нами этапов носил неоднозначный характер и сочетал в себе зачастую несколько ведущих, иногда довольно противоречивых, тенденций развития.

Постараемся определить те отличия в восприятии прошлого, которые были присущи историческому знанию XV – XVI вв. Прежде всего, отметим, что этот период в развитии историописания характеризовался уже имеющимся существенным багажом накопленных сведений о прошлом и способах его осмысления и изложения. Благодаря итальянским гуманистам произошел «прорыв» в освоении сочинений римских историков; исторические произведения средневековых авторов были доступны и хорошо известны. С началом крушения Византии начался исход грекоговорящих интеллектуалов на Запад. Италия оказалась в удобной близости от Константинополя, что привело к тому, что многие беженцы обосновались в ее городах. Возрождение греческого искусства было, таким образом, неизбежно, а вместе с ним возродился интерес к греческой классике, в XVI в. знание сочинений греческих историков становится в Западной Европе своеобразной модой.

Одной из важнейших особенностей исторической культуры этого периода является формирование свойство ее коммуникативности. Благодаря этому свойству человек действительно становится самим собой, обнаруживая себя в ином. Коммуникация в сфере исторических знаний может носить разные формы, но, во всяком случае, она подразумевает диалог с уже существующими текстами.

Историческая коммуникация осуществляется в едином информационном пространстве, носителем и производителем которого является конкретное общество, существующее в определенных координатах времени и пространства. Для XVI – XVII вв. характерна высокая динамика культурных связей, предопределявшаяся политической ситуацией и экономической конъюнктурой на континенте.

Поиски текстов, их соби́рание, комментирование завершались изданием книг. Огромную роль в формировании информационного поля переходной эпохи играло книгопечатание. В XVI в. возможности печати стали широко использоваться. В 1518 г. письмо Лютера против Экка, вышедшее тиражом в 1400 экземпляров, разошлось за 2 дня на Франкфуртской ярмарке. Популярностью пользовались сочинения У. фон Гуттена, Мюнцера, Меланхтона². Динамику роста книжной продукции можно проследить по таким данным: если до 1500 г. в различных странах мира были выпущены книги около 45 000 названий, то в XVI в. – более 242 000; в XVII в. – 972 300. С момента изобретения книгопечатания до 1700 г. было издано 1 245 000 наименований, а тиражи выросли с 300 – 350 в XV в. до 1000–1200 в XVII в.³. Книгопечатание прочно утвердилось во всем мире. В 1503 г. появилась первая типография в Константинополе, потом в Польше, Эдинбурге (1508 г.), Тырговиште (1508 г.). До 1500 г. около 77 % книг выходило на латыни, лишь в Англии и Испании в начале XVI в. на местных языках книг выходило больше, чем на латыни⁴.

Анализ библиотечных каталогов XVI – XVIII вв.⁵ позволяет нам говорить и о другой особенности формирования историописания этого периода, которая состояла в высокой степени интегрированности в историческую культуру запад-

---

² *McKitterick D.* Print, Manuscript, and the Search for Order, 1450–1830. Ch. 2. N.Y. & Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

³ *Grafton A.* The World of the Polyhistor: Humanism and Encyclopedism // *Central European History*, № 18, 1985. P.31–47.

⁴ *Febvre, L., Martin, H.* La nascita del libro. Roma-Bari: Laterza. 2001.

⁵ *Brunet G. Ch.* Manuel du libraire et de l'amateur des livres (3 vols.). P., 1810.

ноевропейского общества целого ряда типов историописания, характеризующимися определенными традициями восприятия прошлого. Условно говоря, «источниковедческая база» новоевропейского историописания включала в себя сочинения греческих, римских, византийских авторов, церковные истории и сочинения отцов церкви (не только христианской, но и иудейской, мусульманской), средневековых хронистов, произведения итальянских историков XIV – XV вв., а также сочинения об истории современников.

Наконец, мы не можем не отметить тот факт, что географические рамки территорий, которые были вовлечены в круг интересов новоевропейской историографии, далеко выходили за пределы Западной Европы и включали страны Восточной, Южной, Северной и Центральной Европы, а также Индию, Африку и Америку.

Еще одной важной особенностью переходной эпохи, на наш взгляд, является принципиальное изменение отношения к знанию. Именно в этот период происходит переход от коммулятивности к универсальной систематизации уже накопленного опыта. Ж. Боден и Теодор Цвингер были авторами одних из первых в Западной Европе энциклопедических трудов. На наш взгляд, именно «Театры» XVI в. сформировали универсалистское восприятие знания, воплощенное в полной мере Дени Дидро и Жаном Лероном д'Аламбером в знаменитой работе, явившейся систематическим сводом научных достижений своего времени, «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» (1751 – 1788 гг., 28 т.).

Движение от *ats historia* к исторической научной дисциплине носит длительный и довольно неравномерный характер. Долгое время история рассматривалась не как дисциплина, а относилась к литературе и искусству. Не случайно в греческой мифологии покровительницей истории считалась одна из муз, изображавшаяся в виде молодой женщины с одухотворенным лицом и со свитком папируса или пергамента в руке. Имя музы истории – Клио – произошло от греческого слова «прославляю». И действительно, первые летописи, хроники, биографии посвящались, в основном, прославлению или очернению правителей.

Представление о том, что такое история и чем она должна заниматься, исторически видоизменялось. Итальянские гуманисты XV в., проделали колоссальную работу по собиранию, переводам и комментированию текстов античных авторов. Благодаря этой деятельности достоянием западноевропейского общества стали образцы античного, и в большей степени, римского историописания. История-текст, созданная в эпоху классического Возрождения, стала фундаментом прагматического историописания переходной эпохи, созидавшей историю-знание, развившегося позднее в натуралистическое историописание.

Переходная эпоха характеризуется настоящим бумом многочисленных дискуссий о характере исторического знания, продолжавшийся до середины XVII в. Источниковая база для изучения этого сюжета очень большая. Трактаты о восприятии прошлого появляются в начале XVI века, раньше всего в Германии (Карион, Куспиниан, Турмейр-Авентин, Меланхтон и др.)⁶. Особенный интерес представляет тот факт, что книги, посвященные исключительно вопросам жанра, целей, достоинств, и особенно методу писания и чтения истории, становятся особенно популярны во 2-ой половине XVI в. Мы полагаем, что это связано с попытками найти выход из общеевропейского политического кризиса в историческом опыте, актуализировав его поисками ответов на вопросы современного социума.

Если в сочинениях исторического жанра предыдущих эпох (то есть за две тысячи лет) только в небольших «Введениях» авторы вскользь касаются рассуждений о прошлом, то

---

⁶ Доронин А.В. Историк и его миф: Иоганн Авентин. М.: РОСПЭН, 2007. (1477 – 1534). *K. Celtius. Oratio in Gymnasio in Ingelstadio publice recitata cum carminibus ad orationem pertinentibus, De origine, situ, moribus et institutes Norimbergae; I. Cuspinian. De caesaribus atque imperatoribus Romanis opus insigne...* Von dem theuern Deudtschen Fürsten Arminio: ein kurtzer auszug aus glaubwürdigen latini-schen historien: durch *Georgium Spalatinum* zusammen getragen und ver-deutsch; *Germanicae chronicon* von des gantzen Teutschlands ... als in einem Spiegel zu ersehen furgestellt durch *Sebastian Francken*.

теперь за одно столетие было написано несколько сотен объемных трактатов, специально посвященных проблемам метода, способам познания прошлого⁷. В течение второй половины XVI века, приблизительно за 30-40 лет, в Западной Европе было издано более 100 трактатов об искусстве истории. Пик издательской активности приходится на период с 1550 по 1590 гг. Это был революционный прорыв не только с точки зрения массового интереса к историческому прошлому, но и с точки зрения уровня и способов его изложения. Историзм переходной эпохи в самом своем начале – это был период Реформации – достиг наивысшей точки своего развития, своей самореализации.

Произведения того времени знаменуют собой новое восприятие прошлого, новый тип исторической саморефлексии, характеризующейся схематизацией памяти о прошлом, «презрением» реальной памятью в пользу сущностного объяснения этого прошлого. Именно в ту эпоху в книгах по истории происходит изменение базового вопросного ряда. Вопросы «что, когда, как» становятся второстепенными, уступая место вопросу «почему?», который затрагивает различные исследовательские сферы. Первостепенная адресация – к манере писания истории историками (почему писали так, а не иначе, и как следует писать), вторая – выявляет причинно-следственный ряд, механизмы, действующие в событийной истории⁸. При этом подчеркивается, что у истории одна задача и цель – полезное, а оно может вытекать только из истины⁹.

---

⁷ Например, Фр. Патриции, Иох. Понтаний, Луи Леруа пишут о многочисленности сочинений по истории и дают крайне невысокую оценку сочинениям предшественников и современников. См.: *Fr. Patritii Dialogi X de Historia. // Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa, Basileae, ex officina Petri Pernaе, 1579* (далее – АНР), V.1, P. 487-490; *Joan Pontanus De Historia. Ibidum. P. 551, Le Roy L. De la vicissitude ou variété des choses en l'univers. P., 1989. P. 435.*

⁸ *Viperanus de Scribenda Historia. АНР, V.1, P. 838-840.*

⁹ *Balduinus Fr. De Historia universa... АНР, V.1, P. 599-604; Patritii Fr. Dialogi X de Historia. АНР, V.1, P. 451-456.*

Обсуждение проблем истории было продолжено в первой половине XVII в. и в трансформированном виде, скорее уже в рамках философии истории, велось довольно широко в XVIII веке¹⁰. За это время история выделилась из философии и риторики и приблизилась к науке, обретя свой предмет и метод исследования, правила отбора и организации материала. Культура Возрождения, с XV в. охватившая все стороны жизни европейцев, не могла не затронуть и историографию¹¹. Правда, в самостоятельную область знания история выделялась довольно медленно, хотя гуманисты живо интересовались ею. Л. Бруни, например, считал, что история является великой целью и самой трудной из всех вещей¹². Характерно, что новая периодизация истории – деление ее на древнюю, среднюю и новую – впервые была выдвинута не историками, а филологами. За основу было взято деление латыни на классическую «золотую» латынь древности, возрожденную латынь современного гуманистам общества и «варварскую» латынь «среднего века». От правоведов и филологов исходит и первая критика источников, пример которой – разоблачение «Константинова дара» Л. Валлой, доказавшим его подложность преимущественно посредством филологического анализа текста¹³.

У истоков принципиально новой периодизации истории стоял Ф. Петрарка¹⁴, который первым отверг господствовавшую в средневековой историографии и освященную авторитетом церкви периодизацию истории человечества по «четырем мировым монархиям» и показал различия между ан-

---

¹⁰ *Gooch G. P.* History and Historians in the Nineteenth Century. L.; N. Y., 1928. Кроме того, более подробно мы остановимся на этих проблемах в третьем параграфе данной главы.

¹¹ *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002.

¹² *Leonardo Bruni.* Commentarius rerum suo tempore gestarum. Bologna, 1926. P. 65-68.

¹³ *Valla, L.* Donatio Constantini.

[Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/donation.html> свободный.

¹⁴ *Gilbert N. W.* Renaissance Concepts of Method. N. Y., 1960. Ch. 2.

тичностью, «веком тьмы» и современным ему периодом. Однако история не была специальным предметом его занятий.

Постепенно возрождается античное искусство исторического описания, предпринимаются попытки превратить историю в самостоятельный жанр. Она становится все более популярной, о чем свидетельствует множество наставлений о том, как освоить искусство истории, писать и читать ее. Гуманисты использовали историю для того, чтобы приукрасить и сохранить культурные идеалы. Как и в других сферах культуры, точкой отсчета служила классическая античная историография. Гуманистическому видению истории как практического знания были присущи черты, позволявшие усматривать в нем, с одной стороны, возрождение и старательное воспроизведение античной традиции, а с другой – значительное смещение акцентов внутри нее, свидетельствовавшее о стремлении переосмыслить знания о прошлом в новой исторической ситуации.

Появляются многочисленные издания античных историков, служившие эталонами при отборе, организации и изложении материала. Особой популярностью пользовались труды Г. Саллюстия и Т. Ливия¹⁵. Имитировались и стиль, и форма исторического сочинения. Как у Ливия, все «Истории» обычно делились на книги, каждая из которых начиналась с рассуждения на общие темы. Влияние классиков сказалось и в отборе тем, пользовавшихся повышенным вниманием гуманистов. Их мало интересовали проблемы метода и теории истории. Следуя Аристотелю, они отделяли историю от поэзии, ставя последнюю гораздо выше, а у Цицерона заимствовали тезис о том, что историк должен стремиться искать и излагать правду (впрочем, сами они на деле далеко не всегда следовали этому правилу). Гуманисты заботились, прежде всего, о том, чтобы история помогала увековечить те события и достоинства действующих лиц, которые ценились как доблесть, достойная подражания¹⁶. Достижению этой цели должна была

---

¹⁵ Gilbert N. W. Op. cit., Ch. 2.

¹⁶ Например, *Francesco Petrarca. De rebus memorandis (Rerum memorandarum libri)*, 1350 и *De Viris Illustribus*, 1337.

максимально способствовать и форма повествования. Несомненным было влияние классиков и на выбор тематики: главными объектами интереса выступали внешняя политика, войны с подробнейшим описанием битв. Заметным было тяготение к масштабным характеристам и ко всему тому, что могло служить образцом для подражания. В качестве источника чаще использовались работы одного автора. Иногда это была средневековая хроника, но в организации материала и принципах его изложения всегда четко следовали античным образцам. Критическая оценка приводимых данных отсутствовала.

Гуманисты были далеки от использования совокупности источников, их сопоставления и изложения выводов как результата собственного исследования. Первые попытки в этом направлении были предприняты Ф. Биондо, заложившим основы эрудитской школы¹⁷. Существовал четкий эталон описания событий, в котором центральное место занимали битвы, портреты и речи героев. Вместо безликих событий средневековых хронистов на авансцену вышли «герои», в характерах которых гуманисты пытались найти и причины отдельных событий, и двигатель всего хода истории. Тяготение к искусству портрета часто выливалось в персонификацию порока и добродетели. Для объяснения мотивов действий в текст зачастую включались пространственные речи «героев» (как правило, обращенные к воинам перед битвами), которые должны были подчеркнуть важность происходящего. При этом авторы не слишком заботились о скрупулезности в соблюдении исторической правды, точности в деталях, нередко вкладывая в уста «героев» информацию о вымышленных фактах.

Ранние гуманисты не стремились «генерализировать» прошлое¹⁸. Их главная цель состояла в том, чтобы восстановить и закрепить его в памяти, рассказать по возможности более подробно о человеческих действиях и судьбах людей, сохранив тем самым «живыми» имена и репутации историче-

---

¹⁷ *Flavius Blondus*. Roma instaurata et Italia illustrata, Venetia, 1542; Le decadi (Historiarum ab inclinatione Romanorum decades), Forli, 1964.

¹⁸ *Ferguson W. K.* The Renaissance in Historical Thought. Boston, 1948. P. 98-112.

ских лиц. Движущим мотивом подобного повествования было не только стремление показать «образцовый» характер государственных мужей и их деяний в прошлом, но и убежденность в уникальности каждого исторического события, которой обусловлена его нарративная ценность. «Ремесло» историка в понимании гуманистов оправдывалось его «властью» над посмертной судьбой «великих людей», способностью извлечь их имена и деяния из глубины веков, одарить их славой или позором и, тем самым, обеспечить им ту или иную меру бессмертия в памяти потомков¹⁹. Именно эта способность определяла выдающееся место историка в интеллектуальной иерархии Ренессанса.

Гуманистическая историография имеет ярко выраженный дидактический характер. Основная функция истории, по мнению гуманистов, должна была состоять в том, чтобы забавлять, доставлять удовольствие драматизмом изображаемых событий, но, прежде всего, наставлять, убеждать через создание моделей для подражания и порицания²⁰. Предполагалось, что из чтения исторических трудов человек извлечет многочисленные уроки для себя лично и для «общего блага», поскольку история – сокровищница поучительных примеров индивидуальной и общественной морали, проявления или, наоборот, отсутствия добродетелей. Она может сделать молодых людей мудрыми. Один из уроков истории гуманисты видели в том, что она демонстрирует превратности судьбы и учит людей безропотно принимать капризы Фортуны, делающей земное счастье зыбким²¹. Однако вера гуманистов в судьбу коренным образом отличалась от средневекового мировидения. Если в Средние века история была призвана доказать величие Бога и его воли в установлении миропорядка, то гуманисты практически освободили ее от авторитета церкви. Хотя Судьба выступала служанкой неведомых сил, ее власть

---

¹⁹ *Gilbert N. W.* Op. Cit., P. 111-30.

²⁰ *Kelley D.* Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance. N.Y., 1970. P. 81-82.

²¹ *Барт М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 120-121.

распространялась преимущественно на сферу повседневного человеческого бытия. Тем не менее, земные дела были провозглашены сферой деятельности человека.

Представляя природу человека неизменной, гуманисты делали из этого вывод о том, что история может предсказывать развитие событий в будущем, ибо одни и те же причины порождают одни и те же следствия. Именно поэтому история, по их мнению, могла служить основанием для построения политических максим. Эта мысль особенно ярко выражена у Н. Макиавелли²² и Бодена, утверждавшего, в частности: «Главная задача истории – служить политике. Она должна помочь нам понять сущность и функцию государства, его нужды и его структуру, причины его расцвета и его падения.»²³. Не удивительно, что авторами крупнейших исторических трудов становились государственные деятели: П. Браччолини, Л. Бруни, Н. Макиавелли и др. В истории искали оправдание политическим действиям и интересам, ее рекомендовали особенно настойчиво изучать государям, для которых она считалась лучшей наставницей. Признавая за историографией функции морального и политического обучения, еще древние авторы связывали ее не с читателем вообще, не с человеком «толпы», а с тем кругом лиц, которым по «родовому достоинству» предназначена забота о благе государства. Более того, только соединение практического опыта государственных мужей с извлекаемыми из истории уроками представлялось гуманистам наиболее плодотворным путем использования этих «уроков», поскольку индивидуальные «пороки» и «достоинства» людей, стоящих у власти, объясняли, по их мнению, и общественные нравы, и характер, и направление государственной деятельности²⁴.

Долгое время история оставалась для гуманистов литературным жанром и не являлась единственным источником информации о прошлом. С ней соперничали другие формы лите-

---

²² *Макиавелли Н.* Избранные произведения. М., 1982, С. 70, 119-128.

²³ *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 19.

²⁴ *Ferguson W. K.* The Renaissance in Historical Thought. Boston: Houghton Mifflin, 1948.

ратурного творчества, в частности драма²⁵. Поэтому одним из главных требований к историческому повествованию был изящный стиль. Большое внимание обращалось на занимательность фабулы и живость изложения с целью воздействовать на чувства читателей. Постепенно гуманисты проникались убеждением, что дело истории – не только описывать события, а, прежде всего, объяснять глубокие и радикальные перемены, которым подвержено человеческое общество. Одна лишь история, по их мнению, оказывалась в состоянии раскрыть механизмы, управляющие обществом, определить лучшую форму и общества, и законов в конкретных условиях. Так был сделан важный шаг на пути превращения истории в науку.

Первым на этот путь встал Браччолини, автор одного из трудов по истории Флоренции Он писал, главным образом, о великих сражениях; его «герои», переодетые в римские одежды, произносили длинные торжественные речи. Однако у него уже становится заметным стремление к установлению определенной связи между фактами. Одним из первых историков-«профессионалов» по праву можно назвать Бруни²⁶. Его «История Флоренции» считается программной работой всей гуманистической школы историографии, ибо в ней нашли наиболее яркое выражение характерные черты историографии того времени. Хотя Бруни все еще «переодевал» флорентийцев в римлян и заставлял их произносить длинные речи в подражание древним, он первым попытался выяснить смысл исторического развития не только Флоренции, но и всей Италии, начиная с падения Римской империи до своего времени (упадок Римской империи он считал результатом уничтожения политической свободы ее правителями). В центре внимания по-прежнему находилась внешняя политика, однако ученый изучал и внутреннюю жизнь республики, даже с использованием архивных документов. В результате его «История Флоренции»

---

²⁵ Самым ярким представителем в этом роде деятельности был, бесспорно, У. Шекспир. *Барг М. А.* Шекспир и история. М., 1979.

²⁶ *Hauser, H.* La modernité du XVI-e siècle. P., 1930, P. 83.

оказалась свободной от «вмешательства» Бога и полностью рационалистичной²⁷.

Значительный вклад в развитие истории как научной дисциплины внес Боден. Он резко выступил против средневековой историографической традиции, обвинив ее сторонников в заблуждениях и невежестве. В трактате «Метод легкого познания истории» (1566 г.) ученый попытался определить предмет истории как науки, выявить влияние на ее ход различных факторов, а также, что немаловажно, создать метод исторического познания, опирающийся на естественные причины²⁸.

В это же время появляется интерес к источникам – их начинают собирать, публиковать и комментировать. Эрудитская школа, зародившаяся в последней трети XVI в. и нашедшая свое воплощение в деятельности антикваров, вступает в полосу расцвета²⁹. В Англии основы антикварианизма были заложены коллекционерами и исследователями прошлого У. Кэмдэном, Дж. Леландом, Дж. Стоу. Благодаря усилиям этих людей в 1585 г. в Лондоне было основано Елизаветинское общество антикваров³⁰. Членами общества был предпринят первый опыт коллективной работы по сбору древностей и публикации исторических памятников. В XVII в. стали выходить большие серии средневековых источников. Общества, занимавшиеся их поиском и изучением, часто учреждались католической церковью с

---

²⁷ *Bruni, L. Historiarum Florentini populi libri XII. / A cura di E. Santini // Rerum italicarum scriptores. Citta di castello. 1926. V XIX; Butterfield H. Man on His Past. The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge, 1955.*

²⁸ *Бобкова М.С. Историописание «эпохи катастроф». М., 2007; Она же. «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М., 2010.*

²⁹ *Lanson G. Hommes et livres, P., 1895.*

³⁰ *Breisach E. Historiography. Ancient, Medieval and Modern. Chicago, 1983. P. 176. Hunter M. Science and Society in Restoration England. Camb., 1981; Parry G. The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century. 2-nd. ed. Oxf., 1999; Jardine L. Ingenious Pursuits. Building the Scientific Revolution. L., 1999.*

целью изучения христианского прошлого и истории церкви³¹. Во многом такая деятельность мыслилась как ответ на реформационное движение в Европе.

Одним из самых известных обществ-публикаторов было объединение мавристов во Франции – монахов конгрегации Святого Мавра из ордена бенедиктинцев (с 1627 г.) в парижском аббатстве Сен-Жермен-де-Пре³². В 1648 г. они подготовили план изданий, куда вошли рукописи по истории бенедиктинского ордена, церкви, а также документы, содержавшие сведения о прошлом французских провинций. Мавристами было собрано множество средневековых манускриптов. Каждый из них публиковался на основе тщательного сопоставления и сверки всех списков. Эрудиты-маврлисты издавали и руководства по датировке и установлению достоверности рукописей. В 1668 – 1701 гг. ими были напечатаны «Жития святых бенедиктинского ордена» (в девяти томах), включавшие источники до XII в. Выдающаяся роль в издательской деятельности принадлежала Жану Мабильону, который собрал огромный материал по истории Франции, подвергнув тщательной критической проверке содержащиеся в нем документы. Но особенно он известен своим трудом по дипломатике, сохранившим научное значение до наших дней³³.

С 1643 г. по инициативе Ж. Болланда иезуиты начали издавать средневековые источники в Антверпене. Серия «Жития святых», содержавшая средневековые легенды и предания о деяниях христианских святых, насчитывала несколько десятков томов. Деятельность эрудитов распространилась на Италию, Англию, Францию, Германию, где наиболее крупным эрудитом был видный ученый Г. Лейбниц³⁴.

---

³¹ *Mendyk S.* «Speculum Britanniae». Regional Study, Antiquarianism, and Science in Britain to 1700. Toronto, 1989. P. 107.

³² *Brabant F.* Time and Eternity in Christian Thought. L., 1937.

³³ *Ibid.*, P. 71.

³⁴ *Лейбниц Г. В.* Рассуждения о метафизике // Лейбниц Г. В. Соч. В 4 т. / Пер. с лат., нем., фр. Т. 1. М.: Мысль, 1982–1989; *Gelly W.* Philosophy and Historical Understanding. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1964.

Круг источников, публиковавшихся эрудитами, значительно расширился – в него вошли хроники, документы по истории права и др., причем публикации содержали все больше критических элементов. Так был создан, по словам Ф. Вольтера, «обширный склад, из которого можно взять все, что нам понадобится»³⁵. Современная историческая наука обязана эрудитам публикацией фундаментальных источников, а также появлением ряда вспомогательных дисциплин – научной хронологии, палеографии, сфрагистики, геральдики, дипломатики³⁶. Однако они не в состоянии были осмыслить весь огромный материал, извлеченный из архивов.

Эта задача выпала на долю другого направления исторической мысли, берущего свое начало от историописания. Но его представители игнорировали собранные антикварами источники, используя узкий круг материалов, соединяя в различных комбинациях отрывки из произведений разных авторов, предания, принадлежащие народам, отстоявшим далеко друг от друга во времени и пространстве. Их интересовали частные события и личности. Лучшими историками считались обладатели литературного стиля и «хорошего вкуса», составители цветистых речей, произносимых «героями», а не аналитики и мыслители.

Попытка понять исторические процессы, найти в них внутренний смысл первоначально была привнесена в историю извне. Чаще всего она исходила от политиков и юристов, придававших развитию истории новый импульс. В прошлом они искали упорядоченность, а, следовательно, закономерность, выясняли типичное, общее, проводили аналогии с настоящим. Уже в XVI и особенно в XVII в. настойчиво проводилась мысль о том, что общественно-политические формы имеют собственную естественную историю, вытекающую из

---

³⁵ *Вольтер Ф.* История Карла XII, короля шведского. СПб., 1909, С. 13.

³⁶ *Chartier R.* Cultural History. Between Practices and Representations. Oxford: Polity Press, 1988.

ряда свойств человека: там, где вновь образуются сходные условия, история повторяется³⁷.

Природа человека трактовалась как отправная точка при выяснении общественно-политических событий прошлого и настоящего. Эта мысль возникла под влиянием успехов точных наук. В европейской культуре в этот период формировались принципы познания, отличавшиеся от средневековой и ренессансной традиций³⁸. Широкое интеллектуальное движение, благодаря которому трансформировалась система представлений о мире и человеке, были заново определены основания естественных дисциплин, исторических, политических, общественных и философских систем, получило название научной революции.

Границы этого периода условно соотносятся с 1543 г., датой выхода в свет сочинения Н. Коперника «Об обращении небесных сфер», и временем открытий И. Ньютона, который в 1687 г. опубликовал «Математические начала натуральной философии». Благодаря трудам Коперника, Г. Галилея, И. Кеплера, Р. Декарта и других ученых в интеллектуальной культуре того времени была создана целостная естественно-научная картина мироздания³⁹. Постепенно она сменила представления о движении планет вокруг неподвижной Земли, основанные на физике Аристотеля и астрономической теории Птолемея.

Обоснование гелиоцентризма Вселенной не только превратило библейский центр мироздания – Землю – в спутник Солнца, но и лишило человека его гордого положения венца творения, центральной фигуры мироздания. Отныне он виделся песчинкой на третьеразрядной планете. Гений Галилея несказанно расширил представления о пределах Вселенной и тем самым актуализировал для научной мысли категорию пространства. Младший современник Галилея – Кеплер (1571 – 1630 гг.), используя значительно усовершенствован-

---

³⁷ *Chastel A.* The Crisis of the Renaissance, 1520–1600. Geneva: Skira, 1968, P. 208.

³⁸ *Ashley M.* The Golden Century: Europe, 1598–1715. N. Y., 1968.

³⁹ *Hunter M.* Science and Society in Restoration England. Camb., 1981.

ный со времени Коперника математический аппарат, а также научные открытия, обобщил накопившиеся после Коперника астрономические наблюдения в математических формулах, которые получили название законов Кеплера. В XVII в. были также совершены важные открытия в медицине, химии, ботанике. Так, У. Гарвей (1578 – 1657 гг.), внешне разделяя представления о «жизненной силе» и пр., сосредоточил свое внимание на механизме жизнедеятельности организма, связав его с природой, особенностями окружающей среды. Опираясь на данные сравнительной анатомии, он открыл систему кровообращения. Тем самым было положено начало революции, преобразовавшей медицину.

Одновременно менялись сами принципы построения умозаключений: символы, подобию, аллегорические и моральные смыслы уступали место опыту, эмпирическому рациональному объяснению причин и следствий. Властителем умов в философии на долгие годы стал Декарт, создатель рационалистической теории – картезианства. Характерная черта этой теории – поиск достоверности и доказательности утверждений, недопустимость признания чего-либо истинным без убедительного обоснования, лучше всего – математического. Картезианская парадигма истинного знания заключалась в выделении отправных «ясных и определенных» идей, всякое противоположение которым абсурдно. Затем путем строгой дедукции из них выводилось заключение, истинность которого обеспечивалась вечной истиной исходных аксиом и строгостью последующей дедукции. В результате оказывалось, что лишь математические науки, допускающие строгое доказательство, соответствовали выдвинутому Декартом требованиям научности. Все же остальные не имели ничего общего с истиной, которой должен питаться разум, ибо в них, по мнению Декарта, изложение сводилось к словесной гимнастике и игре с абстракциями, а заключение носило лишь вероятностный характер. Названия науки заслуживает только очевидное уму и глазу, все же остальное, подверженное иллюзиям, прибегающее к воображению, не отгорожено

от «подсказок» страстей, пребывает во власти заблуждений⁴⁰.

Эту концепцию предельно ясно выразил Б. Спиноза: «Если бы не было математики, люди не знали бы, что такое истина»⁴¹. Поскольку истина виделась Декарту лишь в том, что могло быть выражено математически, на предложенной им шкале все науки располагались по нисходящей цепочке, начиная с математики и заканчивая историей и моралью. Знание законов, по Декарту, было возможно лишь в точных науках, но не в истории. Действия и поступки людей он считал непредсказуемыми, мотивируя это тем, что помимо внешних причин приходится учитывать мотивы и намерения, а о них можно судить лишь с определенной долей вероятности. Если историк объясняет причины человеческих действий, то никогда нельзя быть уверенным в его правоте, утверждал Декарт. Отсюда он делал вывод, что история не является достоверным знанием о причинах и следствиях и не отвечает идеалу науки⁴².

Для Декарта история была не более чем сказанием, традицией, молвой, занятным сюжетом, источником удовольствия, а не научных знаний, в которых однажды установленное не нуждается в доказательстве. Признавая, что достопамятные деяния в истории возвышают ум и при осмотрительности помогают составить определенное суждение, он вместе с тем утверждал, что знания, добываемые годами трудов историков и антикваров, не превосходят информацию, которой располагала прислуга Цицерона. Декарту вторил Н. Мальбранш, который считал, что в единственном

---

⁴⁰ *Декарт Р.* Начала философии // Декарт Р. Избр. произведения / Пер. с фр. М., 1950. С. 409-544.

⁴¹ *Спиноза Б., де.* Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом. Приложение, содержащее метафизические мысли // Спиноза Б. Избр. произведения. В 2 т. / Пер. с лат. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 265-316.

⁴² *Декарт Р.* Указ. соч. С. 502.

принципе метафизиков заключено больше правды, чем во всех исторических сочинениях⁴³.

История для Декарта, подобно путешествию, является источником удовольствия, но не научных знаний, в которых однажды установленное, не нуждается в повторных доказательствах. Она вместо рационального метода базируется на слухах, мифах, баснях, досужих вымыслах и авторитетах, поэтому ее построения лишены какого-либо научного значения, ей заказан доступ в храм науки. История не может претендовать на точность сообщаемого, так как ее заключения не имеют доказательной силы, поэтому ей заказан доступ в храм науки. Такая историография никак не вписывалась в философию, какой ее видел Декарт. Его наиболее глубоким стремлением было основание философии на рационалистических принципах взамен авторитетов, с которыми современная ему историография была тесно связана. Но поскольку в обстановке Франции XVII в. прямые нападки на метод авторитета были бы чрезмерно революционными, Декарт избрал обходной путь – разрушить этот метод, даже не упоминая о нем, но показав, в какой мере нельзя полагаться на то, чем является основанная на нем историография.

Олицетворением картезианства в теории гуманитарного познания в целом и исторического познания в частности является неопирронизм⁴⁴. Гуманисты возродили учение античного философа Пиррона с его неверием не только в истинность знания, но и в способность человеческого ума вообще адекватно познать что-либо из окружающего мира. Пирронизм возродился в условиях смены исторических эпох, когда старое разрушалось, а новое пугало своей неясностью, происходил пересмотр самих основ познания, получил развитие в творчестве М. Монтеня⁴⁵, но особенно широко распро-

---

⁴³ *Mandrou R.* Introduction a la France moderne. Essai de psychologie historique, 1500 – 1640. P., 1961.

⁴⁴ *Barnes B.* Scientific Knowledge and Sociological Theory. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974.

⁴⁵ *Dictionnaire de Michel de Montaigne.* Dirigé par Ph. Desan. P.: Champion. 2004.

страшился в XVII в. В развитие этого течения немалую лепту внес Дж. Локк, усомнившийся в основных установках дидактической историографии: вряд ли кто-либо станет лучше от того, что узнает историю древних греков и римлян, истина дается не историей, а внутренним сомнением и вопросами⁴⁶. Школа либертинов, культивировавшая скептицизм в истории, считала большинство исторических трудов ложными, мотивируя это тем, что заинтересованные авторы по-разному интерпретируют одно и то же событие, создают мифы и даже заведомую ложь в угоду личным или корпоративным предпочтениям.

Первый удар исторического скептицизма пришелся по истории Древней Греции и Рима. Древний мир, как утверждали скептики, не создал архивы, не сохранил и государственные документы. Его хронология и периодизация абсурдны. По мнению скептиков, что древняя история – это лишь серия небывлиц, сочиненных людьми, заинтересованными только в установлении своего прошлого. Изучать эту историю как унаследованную истину, по его мнению, было равносильно тому, чтобы закрыть глаза на изначальные ошибки и ложь⁴⁷.

Вторым направлением атаки неопирронизма стала критика библейской традиции, прежде всего ветхозаветной. Библия все еще оставалась непреодолимым препятствием на пути к научному познанию мира, поскольку вера в истину откровения провозглашалась не только отличной, но и неизмеримо более высокой, чем вера в истину разума. Во второй половине XVII в. широкое внимание привлек труд священника Р. Симона⁴⁸. Это было филологическое исследование, которое подводило читателя к заключению, что текст Ветхого Завета с течением времени подвергся столь сильным изменениям, что при его интерпретации возникают сплошные

---

⁴⁶ *Mandrou R.* Op. cit. P. 160.

⁴⁷ *Robine A.* La philosophie de Pierre Bayle devant les philosophies de Malebranche et Leibniz // Pierre Bayle le philosophe de Rotterdam . P. 50.

⁴⁸ После трактата Спинозы вышла в свет «Критическая история текста, переводов и комментаторов Ветхого Завета» (1678) Ричарда Симона. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.biblicalstudies.ru/Books/Weinberg27.html> свободный.

проблемы. Так библейская традиция была открыто поставлена под сомнение.

Различные течения неопирронизма слились в труде П. Бейля «Исторический и критический словарь»⁴⁹. Бейль утверждал, что всякая истина, каким бы ни был ее источник, ложна, если она не выдерживает проверки индивидуальной способностью рассуждения. Вся история – не что иное, как клубок ошибок и преступлений, а историография – базирующееся на лжи и мифах собрание басен, выдуманных невежественным и алчным воображением безумцев. Являясь выразителем крайнего исторического пессимизма, Бейль не только считал, что вся предшествующая историография искажена и представлена в ложном свете, но и вообще сомневался в возможности достижения истины в истории. И будущие историки, утверждал он, не будут более точными, потому что никто не может обладать исторической истиной⁵⁰. Насколько ограничены человеческие способности, настолько нельзя воскресить прошлое; таково неистребимое человеческое невежество.

В конце XVII – начале XVIII вв. неопирронизм был направлен преимущественно против фидеизма, утверждавшего превосходство веры над разумом, и против метафизики⁵¹. Но в своем противопоставлении науки и веры неопирроники крайне узко трактовали не только саму веру, но и все умозаключения, опиравшиеся на авторитеты, истинность которых нельзя было удостоверить опытом. Эмпирическая трактовка понятия «опыт» в значительной мере обусловила антиисторическую заостренность неопирронизма. Импульс, полученный от Бэкона и Декарта, уже в конце XVII в. привел к возведению впечатляющего здания экспериментально доказанной научной истины в сфере органической и неорганической природы⁵². Поиски «естественного закона» стали конечной целью всякого

---

⁴⁹ Бейль П. Исторический и критический словарь. В 2 т. М., 1978. С. 139.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Robine A. Op. cit., P. 50.

⁵² Verniere P. Spinoza et la pensee française avant la Revolution. P., 1954. P. 54.

исследования, претендовавшего на реализацию новой, индуктивной логики, не исключая и области «человековедения».

Завершая эти вводные замечания, еще раз подчеркнем важнейшие особенности исторической культуры переходного периода – это коммуникативность, информативность, мобильность, расширение географических рамок в изучении прошлого, универсализм, переход от аккумуляции знаний к их систематизации.

Предлагаемая читателю третья книга Практикума-хрестоматии отличается по своей структуре от первых двух, в основе которых лежит хронологический принцип организации материала. В этой части нашей работы при распределении подборки исторических источников мы использовали не только хронологический, но также тематический и проблемный подходы.

Третья книга издания содержит фрагменты текстов об истории XV – XVI вв. Особенно широко мы представили сочинения итальянских гуманистов XV, таких как Джованни Кавальканти, Леонардо Бруни Аретино, Бартоломео Скала, Флавио Бьондо, Антонио Беккаделли, Бартоломео Фацио, Лоренцо Валла, Джованни Виллани, Никколо Макиавелли. В произведениях этих авторов проблемы отношения к прошлому актуализируются в контексте новой системы мировидения, происходит переосмысления таких важных проблем как оценка событий прошлого и методов его описания, роли мифологии в исторических сочинениях, соотношение субъективного и объективного в трактовке событий прошлого, факторов, определяющих ход исторических событий, роли промысла Божьего в истории. Особенно важно, что в на основе представленных фрагментов сочинений итальянских гуманистов XV в. можно проследить, каких средневековых традиций и почему они придерживались; какова творческая ценность исторического труда; как изменялось соотношение риторических достоинств и содержательной убедительности в иерархии свойств образцового исторического текста; каковы достоинства исторического повествования как литературного жанра и сюжетные преимущества исторического изложения; какова соотносительная ценность событий настоящего и прошлого.

Историописание XVI в. представлено, в основном, английскими, французскими и немецкими историческими текстами и, разумеется, не исчерпывает всего многообразия проявления его традиции. Хотя, включенные в учебное пособие фрагменты сочинений, безусловно, отражают ведущие тенденции истории исторической мысли Западной Европы переходной эпохи. Вместе с тем, говоря о недостатках данного издания, надо помнить, что мы имеем дело с хрестоматией, а не антологией средневековой исторической мысли, а значит, работа в этом направлении может быть продолжена.

М.С. Бобкова

Джованни Кавальканти и его Политико-моральный трактат

Джованни ди Филиппо Кавальканти (1381 – 1451 гг.) происходил из выдающейся фамилии Флоренции. Уже в XII в. это был древний, славный, обладающий значительным политическим влиянием род, несмотря на то, что его принадлежность к сословию грандов – выходцев из старой феодальной знати можно подвергнуть сомнению¹. Как многие представители фамилий грандов, оказавшиеся внутри городских стен, Кавальканти активно занялись торгово-банковской деятельностью, вступив в цех торговцев шерстью Калимала. Непосредственных доказательств функционирования семейной компании, образовавшейся, видимо, во второй половине XII в., почти не существует, но есть основания предполагать ее наличие и эффективные результаты занятий предпринимательством до 40-х гг. XIII в.²: к их числу можно отнести значительный комплекс недвижимого имущества внутри и вне

---

¹ Хронист Джованни Виллани причислял род Кавальканти к старой гвельфской знати Флоренции – «благородным семействам», но с оговоркой «недавние выходцы из купечества». – Виллани Д. Новая хроника или история Флоренции / Пер., статья и прим. М. А. Юсима. М., 1997. V. 39. С. 131; VI. 33. С. 153. О том же свидетельствует хроника Малиспини: *Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini* / Per cura di F. Costèro. Milano, 1880. Cap. C. P. 99; Cap. CIV. P. 105. Согласно исследованиям современных итальянских историков Кавальканти во второй половине XII в. уже входили в узкий круг политической элиты. Представители этого рода избирались в консулат, в следующем столетии они находились в составе лиц, управляющих гвельфской партией. – Tarassi M. *Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politica a Firenze*. Firenze, 1978. P. 112-113.

² Активность представителей рода в цехе Калимала, относящиеся к первой половине XIII в. документы, свидетельствующие о крупных кредитах, которые Кавальканти предоставляли монастырям, следы торгово-банковской деятельности этой фамилии в Генуе, их многочисленные боттеги во Флоренции на Новом Рынке, связи с домами Барончелли и Буонинсеня, предполагающие, возможно, объединение в одной компании, подводят к выводу о предпринимательской деятельности широкого масштаба. См.: Grendler M. *The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti*. Geneve, 1973. P. 17-18.

городских стен, образовавшийся к середине XIII в.³. Две причины привели к последующему экономическому упадку рода. Подобно другим представителям знатных фамилий, с течением времени Кавальканти отказывались от активных форм предпринимательства, воспринимая образ жизни рантье, или – при опоре на многочисленную консортерию – городских нобилей, противопоставляющих себя коммунальным законам, вершащих вендетты, самосуд и насилие. В 1304 г. недвижимое имущество Кавальканти вокруг Меркато Нуово было уничтожено разросшимся пожаром, нанесшим непоправимый ущерб благосостоянию семьи⁴.

Во второй половине XIII в. (до 1393 г.) роль Кавальканти в политической жизни Флоренции как никогда значима и весома: они принимали участие в коммунальных структурах власти до избрания приората, стояли у руководства гвельфской партии, призывались в чрезвычайные коллегии и городские советы, приглашались на должности подеста в различные коммуны и земли⁵. В 1393 и 1395 гг., согласно Установлениям справедливости, Кавальканти вместе с другими 72 фамилиями города были осуждены как гранды, их род обязывался круговой порукой за преступления отдельных его

---

³ После 1267 г., когда победившие гвельфы, среди них и Кавальканти, вернулись во Флоренцию, большая часть их недвижимости была конфискована правящими до этого гибеллинами. Они получили из казны коммуны очень значительную сумму компенсации – 3000 лир. См.: Tarassi M. Op. cit. P. 112-113.

⁴ Compagni D. Cronica delle cose occorrenti ne' tempi suoi / Per cura di I. Del Lungo. Milano, 1913. III. 7. P. 147; 8. P. 148-151. Дино Компаньи писал: «Кавальканти потеряли в тот день (10 июня 1304 г.) свое сердце и кровь, видя сожженными свои дома, дворцы и боттеги, каковые, скученные на узком пространстве и по большей части сдаваемые в наем, делали их богатыми».

⁵ Дино Компаньи указывал, что в 1301 г. Кантино ди мессер Аматоре Кавальканти был послан Флоренцией в качестве подеста и капитана в Пистойю. Хронист отзывался о нем скорее отрицательно: «бесчестный человек, который нарушил их закон...приказал призвать всех анцианов только из партии белых...и ложно заявил, что сделал так по приказу флорентийской Синьории: Compagni D. Cronica. I. 25. P. 73-74; Medici D. I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politica a Firenze . P. 202- 203.

членов в отношении пополанов⁶. К тому же в пополанском обществе Флоренции вендетта Кавальканти с домом Буондельмонти пользовалась дурной славой⁷. В начале XIV в. политический престиж этой фамилии еще более пошатнулся из-за того, что они примкнули к проигравшим белым гвельфам, одним из вождей которых стал знаменитый Гвидо Кавальканти, друг Данте Алигьери и поэт «нового сладостного стиля», характеризуемый хронистом Виллани как «философ» и «человек, выдающийся во всех отношениях, хотя и отличающийся чрезмерной вспыльчивостью и раздражительностью»⁸. За верность белым гвельфам Кавальканти заплатили в 1322 г. изгнанием 48 членов своей фамилии, обвиненных в убийстве черного гвельфа Паццино де Пацци⁹, что привело к утрате политического влияния на дела флорентийского государства¹⁰. В XIV в. кратковременное возрождение былого могущества этого рода наблюдается лишь во времена 11-месячного правления герцога Афинского, пытающегося опереться на флорентийских нобилей. Вместе с другими грандами они активно пытались реформировать город в августе-сентябре 1343 г. с целью окончательной отмены Установлений справедливости, но потерпели полное поражение¹¹.

---

⁶ Salvemini G. *Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295*. Firenze, 1896.

⁷ Виллани Д. Новая хроника. VIII. 1. С. 224.

⁸ Виллани Д. Ук. соч. VIII. 39. С. 234; VIII. 40. С. 236; VIII. 42. С. 237. Дино Компаньи упоминал Гвидо Кавальканти среди вождей белых гвельфов: Compagni D. *La cronica delle cose occorrenti ne' tempi suoi / Per cura I. Del Lungo*. Milano, 1913. I. 21. P. 66; 22. P. 69; 23. P. 70; III. 2. P. 137; 7. P. 146- 147; Этот же хронист указывал, что в 1312 г. «Кавальканти были могущественной фамилией, они могли вооружить около 60 человек»: Ibid. III. 40. P. 206; Parenti P. *Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politica a Firenze*. P. 317.

⁹ Подробно об этих событиях см.: Compagni D. *Cronica*. III. 40. P. 206-207.

¹⁰ Хронисты сообщают, что изгнания начались с 1302 г.: Compagni D. *Cronica*. II. 25. P. 119; 29. P. 125; Becker M. *Florence in Transition*. Vol. I – *The Decline of the Commune*. Baltimore, 1967. P. 207-209.

¹¹ Виллани Д. Ук. соч. XII. 3. 17. 21. С. 399, 413-417, 422-423. Наиболее активное участие в этих событиях проявил глава клана Джавоццо Кавальканти.

В 40-60-х годах XIV в. часть представителей фамилии Кавальканти перешла в пополанство, часть, подобно Америго и Майнардо Кавальканти, искала возможности вести рыцарский образ жизни на службе при Неаполитанском королевском дворе¹². Большинство членов рода продолжали жить во Флоренции, концентрируя свое влияние у руля гвельфской партии, на которую не распространялись запреты и ограничения Установлений справедливости. Постепенно утрачивая вместе с ослаблением этой традиционной корпорации свои политические позиции, фамилия, тем не менее, сохраняла и в XV в. высокую репутацию рода и определенный престиж, слывя в городе одним из самых древних, знатных и именитых домов. Семьи, претендующие на респектабельность, и недавно поселившиеся в городе нувориши охотно рождались с Кавальканти: одна из девиц этого дома вышла замуж за видного юриста и политика Марчелло Строцци, другую самым выгодным образом выдали за очень богатого и образованного Ноффри ди Палла Строцци. Лоренцо Медичи, младший брат Козимо, женился на Джиневре Кавальканти. Эти бесприданницы пользовались столь высоким спросом на брачном рынке Флоренции исключительно из-за их происхождения и крови Кавальканти, текущей в их жилах¹³.

После возвращения из изгнания в 1434 г. Козимо Медичи перед этим родом возникли определенные перспективы. Стремясь расширить социальную опору и снизить накал политических противоречий в городе, уменьшив число недовольных, подконтрольная Козимо Синьория издала ряд указов о переводе многих магнатских фамилий, среди них и Кавальканти, в пополанство, введя ограничение в виде запрета занимать государственные посты в течение десяти лет. С середины XV в. некоторые из Кавальканти занимали должно-

---

¹² Rodolico N. *La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378 – 1382)*. Bologna, 1905. P. 166; Brucker J. *Florentine Politics and Society 1343 – 1378*. Princeton, 1962. P. 155. О службе Кавальканти при Неаполитанском дворе см.: Berardenga C. U. *Gli Acciaiuoli di Firenze nei luce dei loro tempi*. Firenze, 1961. I. P. 351.

¹³ Martines L. *Social World of the Florentine Humanists 1390 – 1460*. Princeton, 1963. P. 59-60, 80; Grendler M. *Op. cit.* P. 23

сти в управлении городом, но фамилия уже никогда не могла достигнуть прежней политической значимости¹⁴.

Джованни Кавальканти, родившись в знатном, но не-удержимо клонящемся к упадку доме, с 1427 г. испытывал серьезные финансовые трудности¹⁵. Один единственный раз удалось занять ему мало-мальски значимый пост: в 1422 г. он был избран одним из капитанов гвельфской партии, которая уже не обладала прежним влиянием на политические дела Флоренции. Постоянная неуплата налогов привела к тому, что имя Джованни Кавальканти оказалось в списке должников коммуны (*Specchio*), что полностью лишило его доступа к государственным должностям¹⁶. Этого представителя старинного рода нельзя было назвать в полном смысле этого слова нищим: в кадастре 1427 г. он числился как мелкий землевладелец, сохраняющий в собственности 4 небольших участка земли в контадо, в Монте Кальви и Валь ди Пеза. Он обязан был уплачивать 1 флор. 8 сольди в год – квота человека бедного, но не нищего. Беда заключалась скорее в том, что Джованни привык вести образ жизни типичного рантье: «Мне 46 лет, и я ничего не умею делать...», – писал он о себе самом¹⁷. На иждивении Джованни содержались трое сыновей: Алессандро 22-х лет, Бартоломео 20-и лет и Давид 12-и лет. Зерна, получаемого с земли, находящейся в собственности, хватало, чтобы прокормить семью из 4-х человек, но какие бы то ни было траты при этом исключались. Даже очень небольшая по тем временам сумма приданого (всего 400 флоринов), с которым Джованни Кавальканти выдал замуж свою дочь Камиллу, означала для него подрыв благосостоя-

---

¹⁴ Grendler M. *Op. cit.* P. 24-25.

¹⁵ «Меня обложили столь несправедливым займом (*prestanza*), что наряду с другими старинными семьями мы были возведены в ранг новых деревенских дурней и не могли проживать в городе» – писал он о своем положении: *Cavalcanti G. Istorie fiorentine. Firenze, 1838. I. Prologo, 3.*

¹⁶ Grendler M. *Op. cit.* P. 14-15.

¹⁷ *Ibid.* P. 15. Об эволюции аграрных отношений в XV в. см.: *Fiumi F. Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // Archivio storico italiano. CXVI, 1958. P. 423-448.*

ния «на много и много лет»¹⁸. Не удивительно, что к 30-м годам Джованни Кавальканти имел долги: к 120 флор., не уплаченным в коммунальную казну, добавлялись около 70 флор., требуемых его гонфалоном «Кнут», члены которого некоторое время платили за него налоги, а также 57 флор. задолженности частным лицам. К 1430 г. финансовая ситуация Кавальканти значительно ухудшилась, и Джованни ди Филиппо был заключен в долговую тюрьму Стинке, где ему предстояло провести 10 лет. По иронии судьбы Стинке являлся, согласно бытующей легенде, родовым замком фамилии Кавальканти, конфискованным коммуной Флоренцией и превращенным в узилище для несостоятельных должников. Он писал из тюрьмы в отчаянии очередное прошение в Синьорию: «Я умираю в тюрьме голый; освободившись из тюрьмы, я должен потратить по меньшей мере 20 флоринов, чтобы одеть себя». В довершение всех бед его двоюродные братья воспользовались несчастьем своего родственника и добились, чтобы его лишили прав вести тяжбу за получение доли дохода (21%) от палаццо на Новом Рынке¹⁹.

После выхода из Стинке его дела продолжали ухудшаться по мере возрастания семьи. Вероятно, незадолго до 1430 г. он женился вторично, но приданое второй жены ему так и не удалось получить в свои руки, о чем есть упоминания в прошениях. К 1446 г. в семействе было уже 9 человек, к которым добавлялись 5 детей овдовевшего старшего сына Алессандро, а проблемы оставались прежними: «Среди нас нет никого, кто мог бы делать что-либо, потому что мы не умеем. Мы босы, раздеты, и живем очень тяжелой жизнью» –

---

¹⁸ Grendler M. Op. cit. P. 15. Камиллу не удалось выдать замуж столь удачно, как других девушек из дома Кавальканти: она вышла за некоего безвестного Луку ди Паголо из Флоренции. Алессандра Строцци в 1447 г. писала своему сыну о том, что приданое в 1000 флор., с которым выдавали ее дочь, «прилично лишь для ремесленников». См.: Lettera in Napoli 24 / VIII 1447 // Macinghi Strozzi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli. A cura di C. Guasti. Firenze, 1877. P. 1-6. В качестве специального исследования см.: Fabbri L. Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del' 400. Firenze, 1991. P. 64-81.

¹⁹ Grendler M. Op. cit. P. 14-15.

писал он в очередной из своих петиций²⁰. Правда, не следует забывать, что речь идет о просьбе снизить налоги и простить недоимки. В повседневной жизни у флорентийских горожан существовала целая наука о том, как нужно составлять подобные прошения, которую они неукоснительно пускали в ход, чтобы разжалобить Синьорию. Кавальканти пришлось продать два земельных участка и дом в Сан Кашано для уплаты долгов, и хотя удалось приобрести с помощью длительной судебной тяжбы еще один подер, но в целом доход уменьшился, а семья возросла. При этом, несмотря на то, что сумма долгов была изрядно сокращена благодаря прошениям и петициям, Джованни продолжал выплачивать по 10 флор. в год в счет недоимок, видимо, до своей смерти.

Даже если допустить, что в прошениях и письмах в Синьорию несчастья Джованни Кавальканти значительно преувеличены, все равно не остается сомнений в том, что он и его семья не могли противостоять бедности вследствие неприспособленности к сложности реальных ситуаций и привычки к образу жизни знатного рантье. Есть основания предполагать, что Джованни был не лишен изрядной доли дворянских амбиций, заставляющих его с презрением относиться к занятиям ремеслом и торговлей. Возможно, его негативное отношение к правлению, в котором преобладало жирное попопанство, мотивировалось завистью к успеху, политическому влиянию и даже той неразборчивости в средствах, позволяющей добиваться цели, свойственной, например, Бонаккоро Питти, наиболее одиозному в глазах Джованни Кавальканти представителю существующего режима²¹.

Этого автора вряд ли возможно считать представителем гуманистической культуры, хотя он питал живой интерес к античной истории и литературе и демонстрировал определенные познания по этому предмету. Его анализ исторического материала, излагаемого им в «Морально-политическом трактате» основан на сравнении героев античной эпохи с

---

²⁰ Ibid. P. 15-16.

²¹ Cavalcanti G. Il Trattato politico-morale // Grendler M. The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 130.